

Соборность русского и партикулярность французского языкового поведения

"Словарь русского языка" под ред. С.Г. Бархударова дает следующее определение слова "соборность": *Книжн. устар. Свойство по прил. соборный (во 2 знач.); коллективное, общественное начало. В России, - полагал он, в отличие от Запада, господствует не личностное начало, а православная соборность, противостоящая индивидуализму.* Исследователь Ермилов пишет о Ф.М. Достоевском: Великий русский писатель очень эмоционально воспринимал следующие строчки М.Ю. Лермонтова:

... Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор
С толпой неусыпимых дум.
(перевод из Байрона)

"Целая трагедия в одной строчке! - воскликнул Достоевский. - Одно слово "собор" чего стоит! Чисто русское слово, картинное. Удивительные стихи!".

В советское время коллективизм был официальной идеологией и любое проявление "индивидуалистических поползновений" пресекалось в зародыше. В наше время слова "соборный" и "соборность" стали символами духовного обновления России. Можно сказать, что коллективное начало было и остается национальным базовым компонентом русского менталитета.

Слово "партикулярность" происходит от латинского *particularis* - частичный, частный. По отношению к французскому языковому поведению данное понятие употребляется в смысле близком декартовскому "партикулярному естеству": "Мысль не есть *общее*, охватывающее виды, а некоторое партикулярное или *единичное естество* (*une nature particuliere*), принимающее их в себя, т.е. в себе содержащее своим расположением" (Descartes 1953, 1308). Этот термин используется для обозначения индивидуального (до индивидуалистического) начала в парадигме мышления (поведения) французской этнокультурной общности. Характерно, что в докладе правительственной комиссии 1976 года признается, что "однородность французской культурной жизни не только не усиливается, но, напротив, каждая социальная группа все больше замыкается в себе самой – каждая порождает и потребляет собственную культуру. Общая картина мозаична – здесь множество не соприкасающихся между собой водоворотов" (Зэлдин 1989, 295). Подобная мозаичность обусловлена, в частности, индивидуалистичным (партикулярным) аспектом французского национального языкового поведения.

Рассматриваемые общие модели поведения двух этносов находят свое отражение в тенденциях речевого употребления соответствующего языкового материала.

Так, "соборность" представителя русского этноса состоит, например, в частом употреблении местоимения "мы" и притяжательных местоимений в определенных коммуникативных ситуациях. "Партикулярность" француза проявляется в использовании топонима и неупотреблении притяжательных местоимений (прилагательных) в идентичных ситуациях общения.

По нашему мнению, обе тенденции наиболее ярко проявляются в ситуациях, когда речь идет, например, о приглашении или о выражении принадлежности к данной национальной общности.

Так, приглашая в гости к себе домой или говоря о собственной стране, русский употребит фразу типа: "*Приезжайте к нам погостить!*" или "*У нас есть, что посмотреть*". Кстати, привычка к использованию таких конструкций часто ведет к их переносу во французские фразы, чаще всего на начальном этапе изучения языка, что ведет речевым ошибкам: *"*Venez chez nous!*" и *"*Chez nous il y a beaucoup de choses à voir*". Француз избежит употребления местоимения *nous* и скажет скорее: "*Vous pouvez venir quand vous voulez à Ventabren*" и "*En France il y a plein de choses à voir*". Во второй фразе может быть использована следующая конструкция: "*Chez nous, en France ...*". Она, тем не менее, не может употребляться без второй части (*en France*), уточнение необходимо для адекватного понимания смысла высказывания.

Рассмотрим следующую ситуацию. Ведущий новостей говорит о выполнении российским подразделением боевой задачи: "*Наши десантники завершили операцию по блокированию боевиков*". Для французского слушателя фраза *"*Nos paras ont accompli la mission d'investissement des groupes paramilitaires*" звучит по меньшей мере двусмысленно. Французский ведущий укажет на точную принадлежность исполнителей задания к тому или иному подразделению или употребит родовое понятие: "*Les paras de la brigade du general Montrouge ...; Les paras français ...*".

В речи россиян также широко употребительны следующие конструкции с притяжательными местоимениями: "*А наши-то, продули ...*" (проиграли международный матч), "*Нам (России) бы дороги хорошие и поменьше дураков*". Подобные обороты *"*On les a eus, les nôtres ...; Si nous avons les meilleures routes et moins de cons chez nous*" не свойственны речи представителей французского этноса; примерными соответствиями будут: "*On les a eus, les français ...; Que les routes soient de meilleure qualite et moins de cons en France ...*". Иными словами, французские высказывания рассматриваемого типа требуют точной локальной и национальной соотнесенности, тогда как русские участники общения не нуждаются в подобном уточнении для адекватного понимания сообщения.

Представляет интерес употребление местоимения "мы" (вместо "ты" или "вы") при обращении, в частности, взрослых к детям в нежнучающей манере с особым интонационным контуром: "*В каком же это мы классе?*"; "*Какие уроки мы сегодня выучили?*"; "*Как мы себя вчера ве-*

ли?"; "Кто это нас обидел?" и пр. или в состоянии эмоционального возбуждения для передачи негативного отношения к собеседнику: "Ты смотри, какие мы чувствительные (обидчивые)!"; "Чего это мы так разорались?", также в ироничных (саркастических) репликах типа: "Куда это мы так летим?"; "Что это мы такие хмурые?" и т.д. В процедурном кабинете медсестра, приглашая пациента принять те или другие процедуры, говорит: "Сидоров, заходим в кабинку № 5, а Петров, ложимся на электрофорез" (местоимение "мы" непосредственно не употреблено, использована форма глагола 1-го лица мн. числа).

В подобных ситуациях общения во французских высказываниях использование местоимения *vous* не принято. В данном случае может употребляться "местоимение-хамелеон" (Жак Селар) *on*: "*A-t-on* *ete sage, mon enfant?*"; "*Eh bien! petite, est-on* *toujours fachee?*"; ко взрослым: "*Qui regrette-t-on* *quand on est si belle?*"; "*On va bien* *aujourd'hui?*" *etc.*

В ситуациях, связанных с началом разговора (в зачинах) часто можно услышать высказывания с характерным употреблением местоимения *on*: "*On se fait* *une petite bronzette, Mademoiselle?*" (Загораем, девушка?); "*On s'amuse, Monsieur?*" (Развлекаемся, месье?); "*Alors, on ne dit plus* *bonjour?*" (А что, мы больше не здороваемся?); "*Eh bien, on continue* *a faire le mechant?*" (Ну что, продолжаем вредничать?).

В этих фразах разговорного стиля безличное местоимение *on* заменяет местоимение *tu* (*vous*) и употребление *vous* не соответствовало бы коммуникативным нормам французского языка. С точки зрения формальных средств выражения русские высказывания представляют собой отражение коллективного стереотипа поведения, тогда как французские – отражение его индивидуальной ипостаси.

Дихотомию соборность/ партикулярность можно выявить и в историческом аспекте на примере высказываний бывших правителей России и Франции:

НИКОЛАЙ II
Мы - Николай Второй

LOUIS XIV (Людовик XIV)
l'Etat c'est moi (Государство – это Я)

Как видим, для русского менталитета местоимение "мы" обладает *большой притягательностью*, нежели для француза. Всем известна русская поговорка: "Я - последняя буква в алфавите", которая используется как негативная реакция собеседника на чрезмерное подчеркивание, "выпячивание" своего "я", собственных заслуг, например при сообщении о сделанном. Для француза ценностные характеристики местоимения "я" и его производных превалируют над коллективным "мы".

К проявлению соборной языковой психологии русских можно отнести употребление "дядя" и "тетя" для обозначения кого-либо, часто в беседе с детьми: "Еще есть другая загадочная личность - это *тетя*, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает" (Чехов, *Гриша*); при обращении к незнакомым или знакомым мужчи-

не и женщине: "Дядя, дай десять копеек!" (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Во французской речевой практике подобного употребления нет. Слова "oncle" и "tante" обозначают лишь степень родства между конкретными людьми. В идентичных ситуациях в первом случае употребляется "Dame", во втором - "Monsieur", то есть традиционные формы наименования и обращения: "Dis merci au monsieur (a la dame)" (Скажи дяде [тете] спасибо), но никак не: "Dis merci a l'oncle (la tante)".

Фамильярное и дружеское обращение "брат" к мужчине, юноше, мальчику очень характерно для русских: "Что за оказия! Молчалин, ты, брат?" (Грибоедов. Горе от ума). В русском языке существует ряд выражений со словом "брат", не выражающим отношений кровного родства: На брата - на каждого. [Девушки] достали воды и бережно роздали ее, по кружке на брата. (Каверин. Два капитана).; Ваш брат (обычно с приложением) - вы и вам подобные. Наш брат (обычно с приложением) - я и мне подобные. Отчего это молодые люди нашего брата-старика никогда слушаться не хотят? (Тургенев. Холостяк). Свой брат (обычно с приложением) - подобный кому-л. [Судья] никогда не затруднялся "для своего брата-дворянина одолжение сделать". (Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи). (Словарь русского языка. Т 1, 134).

Французскими эквивалентами приведенных высказываний являются: *Nous autres, les Francais* (Наш брат-француз); *Nous autres* (Мы, наш брат); *Vous autres* (Вы, ваш брат); *Nous autres etudiants* (Мы, студенты; Наш брат студент); *Par personne* (На брата) etc.

Примечательно, что во французских высказываниях для передачи собирательного значения употребляется неопределенное прилагательное *autre* (*другой, иной*), которое выражает обособленность, инаковость, отличие членов указанной группы людей от любой другой.

Следует отметить, что во французском просторечии есть наименования, имеющие сходную с русскими двойную функцию:

Frangin m 1) разг. брат, братишка 2) прост. друг, приятель 3) прост. тип, мужик 4) прост. муж, любовник.

Frangine f 1) разг. сестра, сестренка 2) прост. женщина, баба 3) прост. баба, любовница (Гак, Ганшина. Новый Русско-французский словарь, 1995).

Несмотря на частичное совпадение сфер употребления приведенных языковых единиц, французские имена имеют более узкое поле речевого применения по сравнению с русскими эквивалентами.

Как видим, в идентичных коммуникативных ситуациях использование терминов, обозначающих родственные отношения, менее характерно для французского языкового поведения. В более широком использовании терминов родства скорее всего проявляется специфический архетип поведения русского: подсознательная установка на семейные (родственные) отношения с окружающими людьми в рамках принадлежности к своему этносу.

В плане исследования дихотомии соборность/ партикулярность следует отметить отсутствие слова "идентичность" в разговорной речи россиян в значении принадлежности к своей этнической группе. Французское *identité* обладает широким спектром значений: согласие, сходство, общность и т.п. Значение принадлежности к определенной этнической, социальной или культурной группе отражено в современном языке в словосочетаниях: *identité ethnique* (национальная принадлежность), *sentiment d'identité* (национальное самосознание), *carte d'identité* (= паспорт), *pièce d'identité* (документ, удостоверяющий личность), *papiers d'identité* (документы) (Брандт 1999, 23).

В русском языке слово "идентичность" употребляется только в книжной и научной терминологии в значении "тождество". Естественно, понятие национальной принадлежности присутствует в менталитете русского этноса, но в речи оно всегда выражается с помощью целого ряда контекстуально дифференцированных высказываний: "национальное самосознание", "чувство принадлежности", "национальная традиция" и т.п.

В жестовом языке русских и французов можно также обнаружить проявление сопоставляемых тенденций поведения. Так, широко известный жест поднятия руки с целью привлечения внимания и обозначающий просьбу о разрешении говорить ('дайте слово') передается в русском варианте поднятием руки с открытой ладонью, во французском – поднятием руки с указательным пальцем вверх, остальные пальцы прижаты к ладони.

Соборность русского жеста выражается в том, что все пальцы поднимаются вместе, не выделяется ни один из них. Интересно отметить, что в индоевропейской мифопоэтической традиции *рука* соотносится с понятиями: "дышать, дух", "слово, звук", "время, протяженность во времени", "судьба", "узел", "небо, бог", "зрение" и т.д. (Маковский 1996, 280-283).

Французская партикулярность проявляется в акценте на указательный палец в его конкретной индивидуальности. *Палец* в вышеуказанной традиции соотносится со значениями: "единство жизни и смерти", "гармония и равновесие", "разум", "думать", "змея, демон" и пр. (Там же, с.258-259).

Как видим, символические значения сопоставляемых единиц также рознятся и передают соответствующие каждой из них национально-культурное преломление архетипов индоевропейского способа мышления.

Итак, рассмотренные в этой статье вербальные и невербальные явления свидетельствуют, что коллективные и надличностные факторы в языковом поведении русского этноса занимают более значительное и заметное место, нежели факторы индивидуальные и личностные в поведенческих характеристиках представителей французского этноса.

Примечания

1. Брандт З.В. Идентичность. *Identit: Слово и понятие*// Актуальные проблемы романистики. Язык. Общество. Культура. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1999. - С.22-23.
2. Зэлдин Т. Все о французах - М.: Прогресс, 1989 - 440 с.
3. Descartes. Oeuvres et Lettres. P., Bibliothèque de Pléiade. 1953.

Использованные словари

1. *Словарь Русского Языка* (в четырех томах). Академия наук СССР. Институт языкознания. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957-1961.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. *Новый Французско-русский словарь*. - М.: Рус. яз. 1995. - 1195 с.
3. Маковский М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образы мира и миры образов*. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. - 416 с.

А.А. Седых

“Субъективный” мир Юлии Кристевой

Психоллингвист, психоаналитик, профессор филологии, руководитель докторантуры университета Париж 7, болгарка по происхождению Юлия Кристева в своих исследованиях всегда отличалась и продолжает отличаться нетрадиционностью подхода.

Ее часто называют “теоретиком революционного лингвопсихоанализа” (Ильин 1996, 120). Революционный дух пронизывает работы Ю.Кристевой: “Семиотика” (1969), “Революция поэтического языка” (1974), “Полилог” (1977), “Черное солнце” (1989), “Самураи” (1992), “Чувственное время” (1994). По ее мнению, современная литература (полифонические романы Джойса, Пруста, Кафки) представляет собой семиотический механизм подрывного характера, имеющий потенциальную бесконечность развертывания и развенчивающий господствующий идеологический дискурс (Kristeva 1974, 14).

Эта концепция связана с так называемым “деконструктивистским анализом” художественного произведения, который обязан своим существованием группе “Тель Кель”, где работала Ю. Кристева. Леворадикальное мышление, ориентированное на достижения современных гуманитарных наук (антропология, семиотика и т.п.), чрезвычайно характерно для этого периода ее творчества. По ее мнению, именно гуманитарные дисциплины, показывающие механизмы функционирования культуры, способны демистифицировать идеологические основы буржуазного общества потребления.

Наиболее интересной представляется разработанная Кристевой концепция субъекта и, в частности, проблема поведения индивида в его языковой ипостаси. Несомненно, здесь она опирается на лакановскую теорию об идентичности структуры подсознания и структуры языка, но